

канд. филол. наук, доцент Марина Будько

Кафедра Гуманитарных Дисциплин

Мелитопольский Институт Государственного и Муниципального Управления

Классического Приватного Университета

В поисках методологических универсалий гостеприимства: социально-правовой аспект

ВВЕДЕНИЕ

Кризисные явления на пути построения Единой Европы, комплекс культурологических проблем современного общества, наиболее острые из которых расположены на оси «глобализация – локализация», обострили интерес к теории и практике гостеприимства, которое превращается в одну из определяющих категорий мировой цивилизации. Актуализируются вопросы о частных и общественных формах приема иностранцев, о природе и самом существовании границ между государствами, о критериях национальной принадлежности и о возможности принадлежать одновременно к нескольким культурным и политическим общностям [Гай-Никодимов, 2004, с. 71]. Законы, обычаи, традиции и литературные образы гостеприимства изучаются в междисциплинарном контексте, с позиций антропологии, философии, семиотики, социологии, этнографии, истории, литературоведения, а также экономики, практической политики, идеологии и права.

В целом, внимание к этой общественной практике особенно остро обнаруживает себя в моменты кризиса, когда либо формируется национальное государство, либо происходит процесс глобализации (как ныне): национальное государство определяет состояние «у себя дома», а тем самым обостряет и чувства изгнанников, лишенных паспорта, их нужду в пристанище, которую современный мир не в силах удовлетворить [Монтандон, 2004, с. 62]. Поэтому поиски ответов на, казалось бы, всецело современные вопросы обращают нас к иным эпохам, сходным по масштабам социальных трансформаций, и прежде всего – к античности, где следует искать корни государственного гостеприимства.

Проблема гостеприимства как правового института в тех или иных аспектах привлекала внимание многих исследователей. Первенство в этом вопросе принадлежит, безусловно, историкам-антиковедам, в частности и отечественным [Беликов, 2003; Высокий, 1999; Дорофеева, 1999; Зельин, 1917; Кадеев, 1975; Латышев, 1997; Максимова, 1956; Маринович, 1975;

Молчанов, 1999; Новикова, 1961; Селиванова, 1999; Строгеецкий, 1975; Яйленко, 1999, и мн. др.]. Достаточно обширна историография по этому вопросу в рамках проблематики международного права [Кашеев, 1993; Колосовская, 1999; Майорова, 1994; 1998; Никитина, 1978; 1980; Никитюк, 2001; Суриков, 2002; Селезень, 2011, и др.]. Но, несмотря на интересный и богатый материал, представленный как античными авторами, так и эпиграфикой, в отечественной науке тема гостеприимства разработана мало, в частности, нет специальных исследований, посвященных закономерностям формирования и особенностям трансформации института гостеприимства в культурно-философском ключе и в историко-культурном контексте.

Целью данного исследования является поиск логики формирования и трансформации института гостеприимности как пути от морально-религиозного к социально-правовому институту на материале античной истории, включая историю Северного Причерноморья.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Гостеприимство принадлежит к древнейшему правовому институту, в котором осуществлялись связи племен и народов [Колосовская, 1999, с. 49]. Его возникновение восходит к глубокой древности, а как *правовой* институт оно выявляет себя уже во время Троянской войны: слова ζέως (гость, чужеземец), ξενία¹ (гостеприимство) встречаем у Гомера, который рассказывает о связях гостеприимства между троянцами (Антенором и Энеем) и ахейцами (Менелаем и Одиссеем). Причины формирования этого института очевидны: «Дружественные сношения между членами разных племен или государств в древнейшие времена, без сомнения, были очень ограничены и затруднялись тем, что каждый грек вне пределов своего родного государства везде был иностранцем (ζέως) и в качестве такового не пользовался никакими правами. Только гуманность и издревле освященный религией обычай гостеприимства мог защищать его от насильственных посягательств на его жизнь и свободу» [Латышев, 1997, с. 283]. По существу, в этот период гостеприимство реализуется ещё преимущественно как религиозно-правовой институт. Все чужестранцы, в том числе и изгнанники, попадали под покровительство Зевса Гостеприимца (Ζεύς ξένιος²), и нанесение им какой-либо обиды считалось тяжким

¹ Ксения – ξενία, *ион.* ξενίη, *эп.* ξενίη ἥ – гостеприимство, радушный приём; положение чужеземца, иностранное гражданство; чужая сторона, чужбина; подарки гостю, угощение [Дворецкий, 1958, (http)].

² Зевс-Гостеприимец (Ζεύς ξένιος) – сакральный эпитет Зевса; см. у Гомера (Од. XIV, 389), Пиндара (Немейские оды, XI, 9; Олимпийские оды, VIII, 28), Эсхила (Агамемнон, 61, 362 и мн. др.

преступлением, о чем говорит Платон: «В высшей степени священными должно считать все обязательства по отношению к гостям-чужеземцам. Ибо почти все, что касается чужеземцев и направленных против них преступлений, подлежит божьему отмщению даже в большей степени, чем проступки против сограждан. Ведь чужеземец, не имеющий друзей и родичей, внушает более жалости и богам, и людям. Тот, кто способен отместить, тем охотнее вступает за них. В особенности это может сделать имеющийся у каждого гостеприимный демон и бог, ведь они следуют за Зевсом Гостеприимцем. Вот почему всякий, у кого есть хоть немного предусмотрительности, должен очень остерегаться, как бы не совершить никакого проступка против чужеземцев, и уж так держаться всю свою жизнь. Из проступков против чужеземцев и земляков величайшими являются всегда те, что совершены против молящих пощады³. Ибо тот бог, которого молящий призвал в свидетели данных ему обязательств, становится его главным стражем, и, таким образом, пострадавший никогда не останется неотмщенным»⁴ (Законы. 730).

Ответственность за нарушение законов гостеприимства коренится в обычае, который, по словам первой дельфийской пифии Фемонои, есть неписанный закон. В этом плане общеизвестным примером являются два мифа, связанные общим мотивом обиды богини раздора Эриды, не приглашённой на свадебный пир Пелея и Фетиды. В результате и появилось злополучное яблоко раздора – причина Троянской войны, а свадьба Пиритоя и Гипподамии вылилась в кровавое побоище между лапифами и кентаврами. «Отказ Эриде в гостеприимстве лишней раз подчеркивает отношение к ней олимпийцев как к чужеземке. Исключение кого-либо из такого обряда исключало также и его влияние (хорошее или дурное) на социум» [Селиванова, 1999, с. 131, 137]. Вывод прост: «надо полностью соблюдать заветы Зевса Гостеприимца и Клятвоблюстителя, обязательные как для людей, так и для богов... Каков бы ни был гость, отказ в гостеприимстве влечет за собой потому столь тяжелые и далеко идущие последствия, что это – нарушение божественных Зевсовых установлений (недаром Эрида изображалась рядом с Фемидой)» [там же, с. 141]. Поэтому не удивительно, что «Геракл, оскорбленный отказом Пелея оказать ему гостеприимство и очистить от скверны убийства, пошел на него войной» [Молчанов, 1999, с. 126]. Закономерно и наказание циклопу Полифему, к которому пришел Одиссей в пещеру, умоляя его о гостеприимстве во имя Зевса Ксения. Святотатственно нарушивший обычай гостеприимства, циклоп поедает шестерых гостей и ослепляется остальными во главе с Одиссеем (Одиссея. IX. 266–271).

³ Молящих пощады защищал Зевс-Гикесий: ср. обращение к нему в трагедии Эсхила «Умоляющие» (40–43, 86–95, 162–180).

⁴ Здесь и далее Платон цит. в пер. А. Н. Егунова

Примечательно, что в «Анабасисе» Ксенофонта «слова «гостеприимство» и «дружба», «гость» и «друг» – синонимы... так называются любые отношения, основанные на взаимных обязательствах, скрепленные клятвой и ритуалом» [Дорофеева, 1999, с. 118] (ср. в платоновских «Законах»: «Мы почтим Зевса Гостеприимного тем, что не отлучим чужеземцев от нашего стола и жертвоприношений, как поступают теперь питомцы Нила, и не оскорбим их грубыми распоряжениями» (Законы. 953 e)). Любое недоброе отношение к гостю осуждалось и на бытовом уровне. Во времена Платона постыдным считалось занятие содержателя гостиницы из-за того, что тот «вовсе не считает, что принял своих друзей и оделил их дружескими подарками; нет, он относится к ним как к попавшим в плен врагам и отпускает их на волю лишь за огромный несправедливый и грязный выкуп» (Законы. 919 b). Здесь уместно вспомнить также замечания аббата Рейналя в «Истории двух Индий» (кн. IX. гл. 5): «В эпохи, предшествовавшие цивилизации, торговле, изобретению знаков богатства, когда приют для путешественника не был обусловлен никакой выгодой, его обеспечивало гостеприимство. Радужный прием иноземца был священным долгом, и его потомки могли отдавать его порой даже несколько веков спустя. Когда он возвращался на родину, он охотно рассказывал о полученных им знаках внимания; так память передавалась в семье из поколения в поколение» [Монтадлон, 2004, с. 63].

Из поколения в поколение передавалась и ответственность за нарушение законов гостеприимства: отношения частного гостеприимства обычно были взаимными и наследственными. Показательный пример наказания потомкам отказавших в гостеприимстве приводят А. А. Молчанов и И. Е. Суриков: «Актуализировав свое сакрально-генеалогическое предание, афинские тираны с неизбежностью заново приняли на себя вместе с ним и весь «шлейф» соответствующих импликаций, в том числе и негативных, как «потомки отказавших в гостеприимстве». И поэтому как закономерное проявление высшей справедливости мог быть воспринят многими современниками тот факт, что судьба уготовила Писистратидам неожиданное возмездие (а по расхожим представлениям того времени – неминуемую расплату «по счетам предков») именно от рук потомка когда-то оскорбленного Нелеидами Геракла. В 510 г. до н. э. спартанский царь Клеомен I, разорвав союз гостеприимства (ксению) с сыновьями Писистрата, двинул войско в Аттику и лишил их власти» [Молчанов, 1999, с. 130].

Таким образом, гостеприимство как древнейший правовой институт, морально-этический по своей природе, является неписанным законом, а обязательства по отношению к гостям-чужеземцам – священным долгом, несоблюдение которого подлежит божьему отмщению.

По мере преобразования античного мира под влиянием колонизации, на фоне расцвета путешествий и торговли, «добродетельная» составляющая гостеприимства постепенно отодвигалась на второй план. Кроме

религиозных мотивов, появились и чисто прагматические основания для гостеприимного отношения к чужестранцу, а именно: «надежда встретить и от него радушный прием, если со временем придется побывать в его родном городе, так как тот, кто был радушно принят кем-либо на чужбине, считал себя обязанным ответить тем же принявшему его» [Латышев, 1997, с. 283]. Да и страх перед гневом богов уже не казался столь надежной гарантией. Более весомыми становились соображения целесообразности.

На этом этапе союз гостеприимства придавал отношениям двух лиц, связанных дружбой и оказывающих друг другу взаимные услуги, более надежную форму, юридически скрепляя их и формируя действенные механизмы исполнения принятых обязательств, не отрицая, впрочем, и моральные ценности. Тем не менее, по заключении союза гостеприимства дружба, превращенная в социальный институт, перестает быть проявлением индивидуально-избирательной склонности и облагает обе вступившие в союз стороны неотъемлемыми обязательствами [Дорофеева, 1999, с. 118–120]. Правда, в современном понимании это – дружба лишь по названию, ведь нередко лишена главных признаков дружбы – добровольности и избирательности [Кон, 1974, с. 136]. Если в идеале дружба не преследует утилитарных целей и является благом сама по себе, то здесь перед нами отношения, носящие прикладной, практический характер, их участники действуют совместно ради достижения конкретных целей [Маринович, 1975, с. 176–177]. Таким образом, «в древности «обычай» понимался как часть установлений, которые люди предписали самим себе. Другую же часть люди записали и назвали «законами» на основании того, что «в них представлен тот порядок, который должен быть принят... Сила писаных законов является постоянной, и тому, кто следует им, выпадают на долю хвалы, почести, доброе имя и полная безопасность, а тому, кто преступает – наказания и опасности» [Селиванова, 1999, с. 131].

Рассматривая частное (личное) гостеприимство, В. Дорофеева предлагает еще два аспекта анализа: как отношения, связывающие представителей элиты и являющиеся принадлежностью аристократического этоса, и как феномен, характеризующий особенности положения греческой аристократии» [Дорофеева, 1999, с. 118]. Отношения эти несут на себе печать аристократизма: подобное времяпрепровождение и соревнование в щедрости было доступно только представителям элиты [Хейзинга, 1992, с. 76–77] (видимо, именно здесь следует искать корни будущего светского гостеприимства). Поэтому при нарушении условий договора, кроме страха перед гневом и наказанием богов, уже весьма эффективно было апеллировать к чести и чувству стыда. Подобная моральная ориентация отличала представителей аристократии самых различных доиндустриальных обществ. Заметим, что ещё в древнейшие времена путник, не имевший друга, к которому мог бы обратиться в чужом городе, обращался к царю. И тот принимал его под свою защиту и в случае

надобности отправлял на родину (Одиссей у Алкиноя). Такие отношения личного гостеприимства, возникшие между представителями аристократии еще на заре полисной цивилизации, не потеряли своего значения и в период ее упадка [Никитина, 1980, с. 3]. Более того, в обстановке внутривосполсных смут и нестабильности положения представителей элиты личные союзы, освященные клятвой и ритуалом, порождали чувство солидарности и даже принадлежности к новому социуму в случае утраты прежнего гражданского коллектива.

Исследователи отмечают, что «по внутренней своей сущности союзы частного гостеприимства весьма разнятся. Поэтому в научной литературе их оценивают и как отношения «вассалитета или клиентства» (К. К. Зельин полагает, что Ксенофонт выступал как бы под патронатом царя Севфа) [Зельин, 1917, с. 189, 192–193], и – в исследованиях последнего времени – как родовые отношения, квази-родственные связи [Herman, 1997, p. 41; Высокий, 1999, с. 116]. Полагаем, здесь нет противоречия. Речь идет, по нашему мнению, именно о логике развития понятия гостеприимства: посредством родовых отношений и квази-родственных связей формировались преимущественно ксенические отношения, на основании же «вассалитета или клиентства» заключались договоры проксении⁵ (др.-гр. *προ* – за, в защиту, в интересах, *от имени* и *ξενος* – чужестранец, иноземец) – эта форма межполисной связи устанавливалась через проксенов.

Проксенами назывались граждане, оказывавшие в своем полисе по личной инициативе или по поручению государства гостеприимство и помощь (размещение приезжих, посредничество в дипломатических переговорах и т. д.) гражданам или послам другого полиса и пользовавшиеся в чужом полисе за это рядом привилегий. Известно, например, что все херсонесские⁶ проксены и их потомки (проксения, как и ксения, носила наследственный характер) получали право беспрепятственного приплытия и отплытия и во время мира, и в военное время без конфискации их имущества и без заключения особого договора. Эта безопасность личности и имущества проксенов считалась очень важной привилегией в античном мире, где иностранец становился совершенно беззащитным на чужой территории. Подобное право имели ольвийские⁷ проксены и проксены

⁵ Проксения (*προξενία*) – узы или права взаимного (общественного) гостеприимства; договорный документ, соглашение [Дворецкий, 1958, (http)].

⁶ Херсонес Таврический (др.-греч. *Χερσόνησος* – ἡ *χερσόνησος*: «полуостров»; в византийское время – Херсон, в Генуэзский период – Сарсона, в русских летописях – Корсунь) – античный полис, основанный в последней четверти V в. до н. э. дорийцами из Гераклеи Понтийской на юго-западном побережье Крыма.

⁷ Ольвия (др.-греч. *Ὀλβία* – *счастливая, богатая*) – античная греческая колония, основанная выходцами из Милета в первой четверти VI в. до н. э. на берегу Днепробугского лимана к югу от современного Николаева.

некоторых других полисов» [Никитина, 1978, с. 107]. В ряде случаев проксен сам мог отказаться от наследственного договора проксении.

Хронологические рамки существования проксенических отношений охватывают несколько веков. Появляется проксения еще в период архаики: «самая ранняя дошедшая до нас надпись – эпитафия гекзаметром 625–600 гг. до н. э. на коринфском диалекте на кенотафе из Керкиры. Однако широко практика заключения проксенических отношений распространяется только в классическое время» [Никитюк, 2001, (<http>)]. Первично и в основной своей сущности проксения является отражением положения и интересов некоего лица, т. е. является частнопроводным актом [Высокий, 1999, с. 114]. Но установление эффективных экономических связей требовало и разрешения вопроса относительно урегулирования правового статуса иностранцев на территории древних государств. Поэтому институт проксенов начал приобретать публично-правовой характер [Селезень, 2011, с. 399], а проксения вскоре стала представлять собой «своеобразное соглашение о гостеприимстве между государством и частным лицом – гражданином другого государства, по которому данное лицо принимало на себя защиту интересов иностранного государства, оказание покровительства его гражданам на своей родине. В свою очередь, государство за оказываемые услуги предоставляло лицу (проксену) различные права и привилегии в своей стране» [Никитина, 1978, с. 98].

Содержание проксении (а соответственно – и характер гостеприимства) также различались в разное время и в разных полисах античного мира. Как отмечал П. Монсо, это был институт религиозный в крупных религиозных центрах, торговый – в городах торговых, политический и дипломатический – в больших государствах, игравших видную политическую роль [Monceaux, 2010, p. 15]. Впрочем, по этому вопросу существует надёжный первоисточник: уже Платон в «Законах» (предположительно – 354 г. до н.э.), выделяя четыре рода чужеземцев, в зависимости от особенностей и цели путешествия, первым указывает путешествие с торговой целью: «Первый род совершает путешествия большей частью летом, точно это перелетные птицы. Большинство таких людей действительно словно перелетают море: они занимаются торговлей ради обогащения и слетаются в другие государства, пользуясь благоприятным временем года. Их должны принимать специально назначенные для этого должностные лица – на рынках, в гаванях и общественных зданиях, расположенных вне города, но близ него – из осторожности, как бы кто-нибудь из таких чужеземцев не ввел каких-нибудь новшеств» (Законы. 953 а).

Эволюция формулы проксений доказывает, что характер постепенного перехода функций от частных лиц к официальным со всей очевидностью прослеживается по характеру внесения предложений о проксении: «в IV в. до н. э. с предложением об издании декрета выступают частные лица, в III

в. до н. э. – и частные, и должностные, в декретах II в. до н. э. предложения вносят только должностные лица: номофилаки и стоящий во главе управления, в римский период (I-III вв. н. э.) с предложением о декрете выступают проедры» [Никитина, 1978, с. 99]. Этот процесс исследователи связывают с изменением общественного строя: в частности, эволюция формулы херсонесских проксений может служить показателем все возрастающей роли аппарата власти и постепенной аристократизации государственного строя примерно с III в. до н. э., когда с предложениями о декрете стали выступать должностные лица [Новикова, 1961, с. 107]. В римский период этот процесс завершился превращением демократической республики в аристократическую [Кадеев, 1975, с. 32].

С развитием межгосударственных связей, с постоянным расширением политических и коммерческих сношений между разными государствами, отношений частного порядка уже оказывалось недостаточно, поэтому в эпоху эллинизма этот частноправовой акт трансформировался в оболочку для реально устанавливаемых политических отношений между государствами [Суриков, 2002, с. 6]. Гостеприимство постепенно принимает формы международно-правового института защиты чужаков – торговцев, послов и др., а проксения становится особым институтом международного права. Институт проксении, получивший в Греции очень широкое распространение, лег в основу всех последующих международных связей древнего мира. В дальнейшем гостеприимство отличало и римскую общину, занимая большое место в истории ее политических и военных соглашений. В сущности, писаная история древнего Рима начинается с института гостеприимства. Уже древние связывали его происхождение с правом народов (*jus gentium*) или с естественным правом (*jus naturale*). Более того, гостеприимство было первым шагом на пути возникновения международного права вообще [Колосовская, 1999, с. 49], не утратив при этом, что характерно, ни моральной основы, ни традиции использования личных связей.

ВЫВОДЫ

Гостеприимство является древнейшим правовым институтом, морально-этическим по своей природе, в котором осуществлялись связи племен и народов в античном мире. Неписанный закон, определяющий обязательства по отношению к гостям-чужеземцам, священный долг, несоблюдение которого подлежит божьему отмщению, – с возникновением союза гостеприимства (ксении) гостеприимство превращается в социальный институт, перестает быть проявлением индивидуально-избирательной склонности и обладает обе вступившие в союз стороны неотъемлемыми обязательствами.

Преображение античного мира под влиянием колонизации, расцвет путешествий и торговли постепенно отодвинули морально-религиозную составляющую гостеприимства на второй план, актуализируя прагматичные основания для гостеприимного отношения к чужестранцу, а именно надежду встретить и от него радушный прием. На этом этапе возник союз гостеприимства двух лиц в виде проксении, юридически скрепляя их и формируя действенные механизмы исполнения принятых обязательств.

Хронологические рамки существования проксенических отношений охватывают около десяти веков (VII в. до н. э. – III в. н. э.). Появившись в период архаики как частноправовой акт, она прошла сложный путь развития, демонстрируя постепенный переход функций от частных лиц к официальным и приобретая сначала публично-правовой, а затем и международно-правовой характер: сначала как соглашение о гостеприимстве между государством и частным лицом – гражданином другого государства, затем – как межгосударственный договор. Послужив основой международных связей древнего мира, гостеприимство стало первым шагом на пути возникновения международного права.

В процессе исторического развития античный институт гостеприимства претерпел множество изменений и по форме, и по существу, но не утратил моральной основы. Трансформировавшись в правовую норму общения народов, международно-правовой институт, он не просто восходит к институтам глубокой архаики по самой сути этих норм и обязанностей, – но настойчиво хранит отпечатки религиозно-нравственных воззрений той эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

- Herman G., 1997. *What is a Proxenia?* // Prcatti. XI International Congress of Greek and Latin Epigraphy (Rome, 19th September 1997). – Roma 1997. – 129 p.
- Monceaux P., 2010. *Les proxenies grecques* / Paul Monceaux. – Elk Grove Village, IL, U.S.A: Nabu Press, 2010. – 354 p.
- Беликов Ю.К., 2003. *Рим и эллинизм Основные проблемы политических, экономических и культурных контактов*: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.03 / К.Ю. Беликов. – Ставрополь, 2003. – 460 с.
- Высокий В.Ф., 1999. *Отношения гостеприимства между руководителями государств* / Высокий В.Ф. // Закон и обычай гостеприимства в античном мире: Доклады конф. (Москва, Ин-т всеобщей истории РАН, 27–28 мая 1998 г.). – М.: ИВИ РАН, 1999. – С. 114–117.
- Гай-Никодимов М., 2004. *Возможна ли гуманистическая философия гостеприимства?* / Мари Гай-Никодимов; пер. с фр. Е. Гальцовой // Новое литературное обозрение. – 2004. – № 1(65). – С. 71–82.

- Дворецкий И.Х. (сост.), 1958. *Древнегреческо-русский словарь* / Сост. И.Х. Дворецкий; под ред. чл.-корр. АН СССР проф. С.И. Соболевского: В 2 т. – Т. 1–2. – М.: Гос. изд. иностранных и национальных словарей, 1958. – т. 1: А–Л. – 1044 с.; т. 2: М–Омега. – 1906 с.; т. ж. – <http://gurin.tomsknet.ru/alphaonline.html>
- Дорофеева В., 1999. *Союзы частного гостеприимства между представителями аристократии (по сочинению Ксенофонта «Анабасис»)* / В. Дорофеева // Закон и обычай гостеприимства в античном мире: Доклады конференции (Москва, Институт всеобщей истории РАН, 27–28 мая 1998 г.). – М.: ИВИ РАН, 1999. – С. 118–121.
- Зельин К.К., 1917. *Заметки о «Киропедии» Ксенофонта* // Гермес. – 1917. – № 11–12. – С. 189–193.
- Кадеев В.И., 1975. *Херсонес Таврический в I в. до н. э. – III в. н. э.*: автореф. дис... д-ра ист. наук / В.И. Кадеев; Ин-т археологии АН СССР. – М., 1975. – 40 с.
- Кашеев В.И., 1993. *Эллинистический мир и Рим. Война, мир и дипломатия в 220–146 гг. до н. э.* – М.: Греко-Латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1993. – 372 с.
- Колосовская Ю. К., 1999. *Гостеприимство как право народов древнего Рима* / Ю. К. Колосовская // Закон и обычай гостеприимства в античном мире: Доклады конф. (Москва, Институт всеобщей истории РАН, 27–28 мая 1998 г.). – М.: ИВИ РАН, 1999. – С. 49–58.
- Кон И.С., 1974. *Понятие дружбы в Древней Греции* / Кон И. С. // Вестник древней истории. – 1974. – № 3. – С. 135–149.
- Латышев В.В., 1997. *Очерк греческих древностей* / В.В. Латышев. – СПб: Алетей, 1997. – 343 с.
- Майорова Н.Г., 1994. *Фециалы: религия и дипломатия в древнейшем Риме (VII в. до н. э.)* / Н.Г. Майорова // Религия и община в Древнем Риме / Под ред. Л.Л. Кофанова и Н.А. Чаплыгиной. – М.: Институт всеобщей истории РАН, 1994. – С. 97–125.;
- Майорова Н.Г., 1998. *Институт фециалов в раннем Риме* // Древнее право. – № 1(3). – 1998. – С. 78–81
- Максимова М.И., 1956. *Античные города юго-восточного Причерноморья (Синопа, Амис, Трапезунт)* / М.И. Максимова. – М.-Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1956. – 484 с.
- Маринович Л.П., 1975. *Греческое наемничество IV в. до н. э. и кризис полиса* / Л. П. Маринович. – М.: Наука, 1975. – 276 с.
- Молчанов А. А., 1999. *Писистратиды – потомки отказавших в гостеприимстве (актуализация династического мифа)* / А.А. Молчанов, И.Е. Суриков // Закон и обычай гостеприимства в античном мире: Доклады конф. (Москва, Институт всеобщей истории РАН, 27–28 мая 1998 г.). – М.: ИВИ РАН, 1999. – С. 122–130.
- Монтандон А., 2004. *Возможна ли гуманистическая философия гостеприимства?* / Ален Монтандон; пер. с фр. Е. Гальцовой // Новое литературное обозрение. – 2004. – № 1(65). – С. 61–70.

- Никитина И.П., 1978. *Проксении Херсонеса Таврического* / И.П. Никитина // Античная древность и средние века. – Свердловск, 1978. – Вып. 15. – С. 98–111.
- Никитина И.П., 1980. *Проксения как правовой институт* / И.П. Никитина // Правовые идеи и государственные учреждения (историко-юридические исследования). – Свердловск: СЮИ, 1980. – С. 3–20.
- Никитюк Е.В., 2001. *Институт проксении в межполисных отношениях в классической Греции* / Е.В. Никитюк // Античное общество – IV: Власть и общество в античности: Материалы международной конференции антиковедов (5–7 марта 2001 г., СПбГУ). – СПб., 2001. – Центр антиковедения СПбГУ. – <http://www.centant.pu.ru/centrum/publik/confcent/2001-03/nikituk.htm>
- Новикова Р.А., 1961. *Симнамоны и иоофилаки Херсонеса Таврического* / Р.А. Новикова // Вестник древней истории. – 1961. – № 2. – С. 102–108.
- Селезень П.А., 2011. *Зарождение международно-правового сотрудничества по налоговым вопросам в Древнем мире* / Селезень П.А. // Актуальные проблемы современного международного права: Материалы ежегодной межвузовской научно-практической конференции (Москва, 9–10 апреля 2010 г.). – М.: РУДН, 2011. – Ч. II. – С. 393–402.
- Селиванова Л.Л., 1999. *Обида – незваная гостя* / Л.Л. Селиванова // Закон и обычай гостеприимства в античном мире: Доклады конф. (Москва, Институт всеобщей истории РАН, 27–28 мая 1998 г.). – М.: ИВИ РАН, 1999. – С. 131–141.
- Строгецкий В.М., 1975. *Возникновение и структура Пелопоннесского союза* / В.М. Строгецкий // Из истории античного общества: Межвуз. сб. – Вып. 1. – Горький, 1975. – С. 3–18.
- Суриков И.Е., 2002. *Ксенические связи в дипломатии Алкивиада* / Суриков И.Е. // Античный мир и археология. – Вып. 11. – Саратов, 2002. – С. 4–13.
- Хейзинга Й., 1992. *Homo ludens* / Йохан Хейзинга. – М.: Прогресс-Академия, 1992. – 464 с.
- Яйленко В.П., 1999. *К дискуссии о Херсонесском декрете в честь Т. Аврелия Кальпурниана Аполлониды* / В.П. Яйленко // Закон и обычай гостеприимства в античном мире: Доклады конференции (Москва, Институт всеобщей истории РАН, 27–28 мая 1998 г.). – М.: ИВИ РАН, 1999. – С. 154–176.

Streszczenie

Celem badań zaprezentowanych w artykule jest znalezienie sensu tworzenia i przekształcania instytucji obsługi turystycznej. Zjednoczona Europa wymaga pilnego rozwiązania konfliktów na osi globalizacja – lokalizacja. Obyczaje, tradycje i literackie wzory dotyczące gościnności muszą być obecnie ujmowane w kontekście interdyscyplinarnym z punktu widzenia antropologii, filozofii, semiotyki, socjologii, etnografii, historii, literaturoznawstwa, a także ekonomii, politologii, polityki i prawa. Praktyka gościnności, tj. przyjmowania obcych ludzi na danym obszarze staje się w XXI wieku jedną z decydujących kategorii pokojowej cywilizacji.

Searching methodological universals of hospitality: socio-legal aspect*Summary*

The crisis phenomena in the process of creating the Single Europe, the complex of culturological problems of the modern society, the most acute of which are on the axis “globalization – localization”, have actualized the interest to the theory and practice of hospitality, which is turning into one of the key categories of the world civilization. Laws, customs, traditions and literature images of hospitality are studied in the crossdisciplinary context, from the anthropological, philosophical, semiotic, sociological, ethnographic, historical points of view, as well as from the standpoint of economy, applied politics, ideology and law.

The study is aimed at searching the logic of forming and transforming the hospitality institution as the process of evolution from the moral and religious institution to sociolegal one on the basis of the analysis of the ancient history, including the history of the North Prichernomor’ya.